С клеймом «ВРАГА НАРОДА»

ВАСИЛИЙ ГРИШАЕВ

По «схеме» Попова

История одной фальсификации

«... Первое указание о подготовке массовой операции мы получили от НКВД СССР в июле 1937 г. Эта директива обязывала нас составить списки на весь контрреволюционный элемент социально-чуждой среды и весь уголовный рецидив... Вслед за этим был дан сигнал о начале операции и организации судебных троек при УНКВД для рассмотрения этих дел.

Смысл директивных установок руководства, даваемых на совещаниях и при докладах, сводился к необходимости весь оперативный контингент, проходящий по учетам и разработкам, свести в разные по названиям, но единые по своим целям контрреволюционные организации, связанные с иноразведкой враждебных стран и белоэмигрантскими центрами за границей.

Оперативный состав органов, восприняв эти установки как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе и пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований, деятельно следуя этим директивам, приступил к их реализации с полным сознанием исторической необходимости очистить нашу страну от этого контингента.

Исходным началом для разрешения этой задачи должны были явиться штабы руководства этими организациями, для чего в разные места были выброшены опергруппы с задачей «найти» эти штабы: в Нарымский округ — Попов, в Кузбасс — Голубчик и т. д. По Бийскому и Алтайскому кустам... была успешно развита операция по ликвидации контрреволюционной повстанческой японо-военной организации, руководимой И. Я. Третьяком. Эта операция поглотила всех лидеров партизанского движения и очень большое количество партизан. Арестованные контрреволюционеры-одиночки, разрозненные группы и целые организации, находящиеся в наших разработках, стали сводиться в целые организации с большими филиалами.

До конца сентября — начала октября 1937 г. операция носила характер разгрома контрреволюционных кадров и не касалась широких слоев населения. Но с сентября 1937 г. в массовом количестве стали поступать категорические требования по усилению операции. Шифртелеграммами приказывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, харбинцев и т. д. Управление НКВД Новосибирской области стало спускать «контрольные» цифры на аресты, называвшиеся «минимум», ниже которых опускаться запрещалось...

Между отдельными органами началось своего рода соревнование — кто больше арестует. В помощь кадровому составу органов были приданы милиция, комсомольцы, работники кадровых учреждений. В конце сентября или начале октября, когда были реализованы все наши учеты, операция с бешеной силой обрушилась на ни в чем неповинных людей, никогда не участвовавших ни в каких контрреволюционных делах и не скомпрометированных связями.

Для многих из нас смысл дальнейшей операции стал не только не понятен, но и страшен, но остановить ее бешеный шквал могли только ЦК и ВЫ. Желание некоторых чекистов спасти невинных людей приводило лишь к их арестам и гибели. Увеличились самоубийства среди чекистов...

В погоне за поляками, латышами и др. просматривались списки сотрудников по учреждениям, в адресных столах. Зачастую арестовывались люди, носившие польские и др. фамилии. Продавец или кустарь превращался в крупного торговца и владельца фабрики, бухгалтер — в царского чиновника.

В Алтайском крае дела через «тройку» проходили без нужного оформления. Методы следствия здесь были еще более ужасными... Стиль работы части чекистов свелся к стрем-

лению сваливать крупных людей, фабрикуя показания на ответственных партийных и советских работников и принуждая арестованных подписывать их. Это считалось заслугой, такие чекисты росли по службе. Я считаю не случайным, что в последний год на руководящую работу выдвинуты люди политически сомнительные, карьеристы..."

(Из письма И. В. Сталину от бывшего чекиста, заключенного в Усть-Вымском исправительно-трудовом лагере на 5 лет, Егорова Павла Андриановича, бывшего старшего лейтенанта госбезопасности, работавшего в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД Сибири с 1922 по 25 января 1938 г.)

В этом письме ничего не преувеличено. Все правда. Правда и то, что руководящие указания о массовом уничтожении «социально-чуждого элемента» шли сверху. А. Г. Авторханов в работе «Технология власти» (журнал «Вопросы истории», №1 — 1992 г.) рассказывает, что в июле 1937 г. ЦК ВКП(б) разослал местным партийным комитетам, органам НКВД и прокуратуры строго секретную инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским, о порядке и масштабах проведения акции «по изъятию остатков враждебных классов». Об этой инструкции, по всей вероятности, и ведет речь автор письма Сталину. Ему и в голову не могло прийти, что она подписана «вождем народов». Потому и жаловался Сталину на... Сталина.

К сожалению, о судьбе этого человека выяснить ничего не удалось. Скорее всего она была трагичной...

Дело о «РОВС» — одно из многих, сфабрикованных в 1937 году, в ходе выполнения этой чудовищной инструкции...

1

В феврале 1937 года старший лейтенант госбезопасности Константин Сергеевич Жуков был назначен начальником Барнаульского горотдела НКВД[1]. Напутствуя его перед убытием к новому месту службы, начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю С.Н. Миронов сообщил, что органы НКВД Западной Сибири напали на след крупной кадетско-монархической организации, связанной с «Российским общевоинским союзом» (РОВС).

«Союз» этот, как известно, был создан еще в 1924 году Врангелем. Он объединил все воинские силы белой эмиграции, имел филиалы в ряде зарубежных стран.

Миронов потребовал принять энергичные меры к выявлению подпольных ячеек «Союза» и в Барнаульском секторе.

Прибыв на место, Жуков самым добросовестным образом изучил все оперативные и следственные материалы, опросил сотрудников, но даже намека на «РОВС» не обнаружил. Доложил Миронову. Тот с нескрываемым раздражением ответил, что если организация не будет выявлена, Жукова ждут большие неприятности.

Примерно через месяц, на оперативном совещании начальников секторов, Миронов проинформировал собравшихся о раскрытии повстанческих контрреволюционных организаций в Нарыме, Бийске, Томске, Сталинске (ныне г. Новокузнецк). Даже назвал их примерную численность — около двух тысяч человек, при этом указал, что организованы они по военному образцу, то есть сведены в роты и батальоны во главе с белыми офицерами.

В подтверждение его слов коллеги Жукова один за другим бойко докладывали о выявлении в их секторах десятков и даже сотен членов «РОВС». А он ничего доложить не мог...

В начале июля от Миронова поступило распоряжение составить списки «социально-чуждого элемента» (так называли тогда бывших офицеров, царских чиновников, торговцев, священнослужителей и других представителей непролетарских слоев населения, а также эсеров, кадетов, меньшевиков). При этом разъяснялось, что санкции на арест этих лиц, когда на то последует команда, у прокурора брать не надо, а следствие вести по упрощенной схеме — ограничиться лишь выяснением прошлой деятельности арестованных.

Сделать такие списки труда не составляло. «Социально-чуждый элемент» давно был на спецучете не только в органах НКВД, но и в отделах кадров предприятий (учреждений).

А дальше произошло вот что. Из краевого управления НКВД прибыла бригада во главе с начальником отдела старшим лейтенантом госбезопасности Серафимом Поповым. В бригаде было четыре следователя: Толмачев, Розум, Костромин и Кожевников. Попов просмотрел списки «социально-чуждого элемента», некоторых вычеркнул, остальных приказал арестовать.

Массовые аресты Жукову были тоже не в диковину. В органы НКВД он пришел в 1919 году, девятнадцатилетним рабочим парнем, слесарем одного из московских заводов. Увлекла романтика революции — кожаная куртка, револьвер на боку, засады, облавы, а главное — уверенность, что делает очень нужное дело для трудового народа, беспощадно выкорчевывая его врагов. После гражданской войны особенно отличился в борьбе с муссаватистами в Закавказье, за что был награжден серебряным портсигаром, золотыми часами, нагрудным знаком «Почетный чекист» и, наконец, орденом Красного Знамени. Но, кажет-

[1] Начальник горотдела одновременно возглавлял и Барнаульский оперсектор НКВД, в который входило 14 районов.

ся, переусердствовал: в феврале 1929 г. был исключен из партии и осужден как соучастник незаконного расстрела арестованного. Однако уже в июле был освобожден из Бутырской тюрьмы и направлен в Архангельскую область, в Северные лагеря для спецпереселенцев. Доверие оправдал. Как оправдал, можно лишь гадать, но в 1931 г. был восстановлен в партии и направлен в г. Акмолинск на повышение — начальником управления по спецпереселению Киргизской АССР. И здесь «за успешное выполнение хозяйственно-политических заданий» (интересно бы знать,каких) был дважды награжден боевым оружием (как на фронте) и опять переведен с повышением в Новосибирск, а оттуда — в Барнаул.

Спецпереселенцами, как известно, тогда называли раскулаченных. Теперь мы, наконец, признали, что эти обобранные и оболганные, поставленные вне закона люди были лучшей частью крестьянства, солью земли, как говорят. Сознавал ли борец за счастье трудового народа, что стал его тюремщиком? Вряд ли. Этот некогда простой рабочий парень второй десяток лет варился в чекистском котле, попривык к чужой крови и страданиям, а главное — слепо верил, что раз партия и великий вождь говорят, что кулаки — злейшие враги советской власти и трудового народа, значит, так оно и есть. А с врагами надо поступать поважески, как учат опять же партия и великий вождь.

Впрочем, у Жукова не всю душу вытравили. Что-то осталось. Но об этом — ниже. А пока вернемся к тому, что по приказу Попова сотрудники Барнаульского горотдела в ночь с 19 на 20 июля 1937 г. арестовали около 80 человек.

Массовые аресты, как уже говорилось, Жукову были не в диковину. Но то, что началось дальше, явилось, по его словам, неожиданностью. Расположившись по-хозяйски в его кабинете, Попов разложил перед собою списки арестованных и на глазах Жукова, его помощника Шутилина и следователя Толмачева стал составлять на большом листе ватмана... схему организации «РОВС» в Барнауле! Рассуждая сам с собой, сначала записал главой организации бывшего городского голову Бирюкова; подумав, заменил его врачом Велижаниным, но и этого зачеркнул. Повернулся к Жукову.

— Где у вас полковник Шереметьев?

— Арестован раньше и этапирован в Новосибирск.

— Прекрасно! Мы затребуем его сюда.

И он твердой рукой вписал Шереметьева в первую графу схемы. Затем, деловито попыхивая папиросой, «сформировал» штаб подпольной организации. В него вошли: Бирюков, Велижанин, священнослужитель Дагаев, преподаватель химии учительского института Бекаревич, учитель математики 42-й школы Шапошников и проживавший в Барнауле без определенных занятий бывший полковник царской армии Войнич-Сяноженский.

Остальных арестованных Попов быстренько расписал по отрядам, указав стрелками, кто кого завербовал, и организация была готова. Окинув свой «труд» довольным взглядом, Попов свернул лист в трубку и протянул Толмачеву.

— Передайте всем следователям: в разрезе этой схемы и добиваться признаний у арестованных.

Пусть не подумает читатель, что «творчество» Попова — плод моей фантазии. Я просто пересказал показания Жукова, сделанные им в ходе реабилитации репрессированных.

2

Кто же они были, члены мифического штаба?

ШЕРЕМЕТЬЕВ Александр Иванович, 1872 года рождения, выпускник Военно-хозяйственной академии, полковник, до революции служил корпусным интендантом, при Колчаке — в Главном интендантском управлении, в Красной Армии (с января 1920 г. по декабрь 1922 г.) тоже на интендантских должностях. Изгнанный из Красной Армии как бывший царский и колчаковский офицер, поселился в Барнауле, вел себя тихо, ни о какой политике не помышлял, работал счетоводом в пошивочной артели «Красный Октябрь». Вместе с ним жил сын Николай, любовь и отрада старика, учитель истории в железнодорожной школе. Он был «изъят» НКВД раньше отца, в декабре 1936 года, обвинен в шпионаже и расстрелян. Отец о судьбе его ничего не знал, может, и к лучшему...

В судебно-следственных документах А.И. Шереметьев значится генералом. Повышением в звании он обязан Попову. Генерал во главе военизированной подпольной организации — это звучало весомее, прибавляло весу и доблестным чекистам. А генерал он или не генерал, в таких мелочах никто разбираться не станет. Попов знал порядки в своем ведомстве.

БИРЮКОВ Василий Яковлевич, 1865 года рождения, сын донского казака. Работал на родине учителем, в 1905 г. был сослан «за контрреволюционную агитацию» на три года в Архангельскую губернию, оттуда переведен в Астраханскую. В 1909 году, по окончании ссылки, переехал в Барнаул. Революцию встретил, в должности председателя правления городского банка взаимного кредита. Позже преподавал в техникуме. В 1918 году был избран городским головой .

Запятнай он себя хоть чем-нибудь в период колчаковщины или раньше, плохо пришлось бы ему после восстановления советской власти. Но его не тронули. Он остался жить в Барнауле. Жил спокойно, пока не началась охота на ведьм. В 1931 году его впервые арестовали

по подозрению в принадлежности к подпольной контрреволюционной повстанческой организации, пять с половиной месяцев продержали в тюрьме, затем освободили за полным отсутствием улик. В 1933 году он был вновь арестован «за антисоветскую агитацию», но через два месяца освобожден опять же за отсутствием улик. Тогда еще хоть какие-то улики требовались...

В день третьего, последнего ареста Василию Яковлевичу было 72 года. Он уже почти ничего не слышал и даже на улицу из-за глухоты выходить остерегался; зимой сидел в хате или гулял во дворе, летом любил копаться в огороде и, кроме огорода, по словам жены, уже ничем не интересовался.

БЕКАРЕВИЧ Ефим Ефимович, 1879 года рождения, выпускник Томского технологического института, преподаватель химии в учительском институте и педагогическом училище. Погубило его то, что до революции он был членом партии эсеров.

ДАГАЕВ Митрофан Владимирович, 1868 года рождения, в документах назван епископом барнаульских церквей. В 1930 году был лишен избирательных прав как служитель культа. И репрессирован как служитель культа. В день ареста ему было 69 лет.

ВОЙНИЧ-СЯНОЖЕНСКИЙ Владимир Павлович, 1878 года рождения, сын судейского чиновника; в 1914 году, после окончания Военно-хозяйственной академии, был командирован в Японию, где в составе русского военного агентства занимался приемом снаряжения для армии. В 1918 г. был отозван во Владивосток и до 1922 г. был также приемщиком японского оружия и снарядов. Затем работал конторщиком в горкомхозе, в 1932 году был арестован якобы за шпионаж в пользу Японии, виновным себя не признал и был сослан на три года в Нарымский край, в Колпашево. (Таким способом тогда очищали Дальний Восток от неблагонадежных элементов.) По окончании ссылки переехал на жительство в Барнаул, предусмотрительно отправив семью во Владивосток. Здесь и «пригодился» Попову, записавшему его в члены штаба «РОВС» и заодно — в японские шпионы. Для чекистов такой человек был находкой: жил в Японии, знал японский язык, общался с высокопоставленными представителями японского командования и даже на банкетах у них бывал — чем не шпион? На сей раз Войнич-Сяноженский во всем «признался»...

ВЕЛИЖАНИН Андрей Петрович, 1875 года рождения, выпускник Томского университета, до ареста — врач туберкулезного диспансера и детской больницы. На Алтае он больше известен как многолетний сотрудник Барнаульского (ныне краевого) краеведческого музея, известный орнитолог, председатель Алтайского отдела Русского географического общества с 1913 по 1930 г. (с небольшими перерывами). Отдел оставил заметный след в истории Алтая, как центр краеведческой и исследовательской работы.

Вина Велижанина состояла в том, что в 1905 — 1907 гг. он состоял в партии кадетов. Возможно, сам он уже забыл об этом: тридцать лет прошло, но кому надо, помнили. Впрочем, имелся на него компромат и поважнее. В 1933 году он был арестован и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей (условно) за «антисоветскую агитацию». Судя по протоколам допросов, эта «агитация» заключалась в следующем. У бывшего землемера Н.И. Давидовича собирались изредка поэт и педагог П.А. Казанский, врач А.П. Велижанин, ботаник и краевед В.И. Верещагин, выпускник Московского университета, а ныне счетовод Текстильстроя А.А. Васильев. Здесь, в своем кругу, старики отводили душу в откровенных разговорах о событиях в стране. И вот, «на основе анализа правительственной политики», они пришли к таким выводам:

— демократия подавлена бюрократическим аппаратом;

— свободы совести, свободы печати нет. Всякая мысль, хотя бы она была направлена на пользу стране, если она не совпадает с идеями коммунизма, рассматривается как контрреволюция;

— Выборность органов управления происходит под партийным нажимом; люди, способные к управлению, но беспартийные, оттираются;

— Управленческий аппарат, разросшийся до огромных размеров, не в состоянии справиться с государственными задачами.

Мысли, что и говорить, крамольные, но, к счастью, ежовско-бериевские времена еще не наступили, и старики отделались сравнительно легко: Васильев и Давидович — пятью годами ссылки в Восточную Сибирь (не на Колыму даже), а Казанского, Велижанина, Верещагина, припугнув, вообще освободили. Но ненадолго. Вскоре любителей анализировать политику партии и правительства, даже способных на это, начали ставить к стенке...

В том же 1933 году был арестован сын Велижанина Глеб, энтомолог Барнаульской малярийной станции. Пройдя двухлетнюю «перековку» на Беломорканале, он, под влиянием отца, увлекся энтомологией, показал себя способным, многообещающим исследователем, но в 1937 году, несколько позже отца, был вторично арестован и расстрелян.

ШАПОШНИКОВ Акиндин Иванович, 1880 года рождения, из крестьян, по образованию учитель, в 1911 — 1918 гг. (с перерывами) редактор газеты «Жизнь Алтая», основанной купцом В.М. Вершининым, человеком либеральных взглядов, впоследствии членом IV Государственной Думы. Он привлек к участию в газете наиболее передовую часть местной интеллигенции: П.А. Казанского, Л.И. Шумилов-

ского, М.О. Курского, Н.И. Давидовича. Они задавали тон газете, попеременно возглавляли ее[1]. Газета пользовалась большой популярностью у читателей, но числилась на плохом счету у властей. Только в 1911 году Шапошников был трижды оштрафован Томским губернатором за публикацию статей, «порочащих действия Правительства».

Февральскую революцию Шапошников встретил с восторгом.

«Граждане! — писал он в «Жизни Алтая» 7 марта 1917 г. — Старое правительство, приведшее страну к гибели, низвергнуто... Благодаря геройскому восстанию рабочих и войска против продажного правительства, все население России получает права гражданства и право голоса во всех государственных и местных делах. Народ теперь может свободно, без всякой оглядки и опаски, во всеуслышание говорить о том, что считает более справедливым и полезным...»

Эта вера, это ликование тогда охватило многих и многих...

В марте 1917 года Шапошников вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров), вошел в состав городского бюро, вскоре был последовательно избран гласным городской думы, председателем Барнаульского уездного совета крестьянских депутатов, членом исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и, наконец, членом Учредительного собрания.

Он был потрясен его разгоном, расстрелом 5 января 1918 г. мирной демонстрации питерских рабочих, выступивших в поддержку Учредительного собрания; тогда 20 человек было убито, более 100 ранено... Эту кровавую расправу недаром назвали «большевистским 9 января».

Шапошников резко осудил, как противозаконный, большевистский переворот в октябре 1917 года.

В июне 1918 года, после свержения советской власти в Сибири, он стал членом Алтайского губернского административного комитета, но вскоре, как член Учредительного собрания, был введен в состав Сибирской областной думы. В августе Шапошников участвует в заседаниях Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре, в сентябре — в работе так называемого Государственного совещания в Уфе, на котором было избрано «Временное Всероссийское правительство» (Директория). Позже отошел от политики, работал инструктором Алтайского губсоюза кооперативов.

После восстановления советской власти Шапошникову не сразу вспомнили его «контрреволюционное прошлое». Он даже был назначен заведующим подотделом единой трудовой школы губернского отдела народного образования и с увлечением отдался работе. Можно не сомневаться, что он до конца дней своих трудился бы честно и добросовестно на пользу людям, если бы...

Но победители не отличались великодушием. В конце 1920 г. Шапошников был арестован губчека по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации, но через два месяца освобожден за отсутствием улик. В 1922 году его снова арестовали, на сей раз как члена партии эсеров. (В связи с московским процессом над эсерами такие аресты прошли по всей стране.) Освободили только после того, как он публично, через газету, отрекся от партии. Вот его заявление в «Красном Алтае» от 1 сентября 1922 года: «Настоящим официально заявляю о своем выходе из партии СР, в которой с конца 1918 г. не работаю и фактически членом ее не состою. Настоящим лозунгом моей общественно-политической жизни является: честно работать над поднятием хозяйственной и духовной культуры России в условиях советской власти».

Органам этого показалось мало, и вот 28 октября 1923 года в «Красном Алтае» появляется обращение Шапошникова к бывшим членам ПСР с призывом объединиться «вокруг РКП для дружного социалистического строительства и отражения сил реакции».

Далее в обращении говорилось: «Решив стать под знамя РКП, я призываю к тому же и своих бывших товарищей по Алтайской организации ПСР, конечно, тех из вас, которые не отреклись от светлых идей социализма».

Явно чужие, вымученные слова...

На некоторое время его оставили в покое. Он преподавал математику в 42-й школе, старался работать честно, как привык всю жизнь. В последней его характеристике, написанной директором школы, говорится так:

«... В организации работы чувствуется громадная настойчивость и тщательность, благодаря чему добился сравнительно высокого процента успеваемости, несмотря на слабость подготовки учащихся в предыдущие годы.

Как классный руководитель много и настойчиво работает с классом и имеет определенный положительный результат.

Отношение к работе в высшей степени добросовестное и аккуратное. Активно работает в кружках текущей политики и русского языка, несмотря на свой возраст и инвалидное состояние". (Шапошников с давних пор болел чахоткой. — В.Г.)

29 июля 1937 года за ним пришли. И никакая характеристика спасти его уже не могла...

[1] С 12 мая 1912 г. по 8 апреля 1913 г. редактором газеты «Жизнь Алтая» был известный писатель Г.Д. Гребенщиков.

3

Трагедия этих людей, как уже сказано, заключалась в том, что они имели несчастье принадлежать к «социально-чуждому элементу»,а некоторые еще и к партиям, враждебным большевистской. Неважно, что эти партии были давно разогнаны и самая память о них выжигалась каленым железом; неважно, что эти люди в большинстве своем встали на путь верного служения новой власти; им не было места под советским солнцем!

Они были обречены, но до приговора, дабы соблюсти видимость законности, их пропускали через ад физических и моральных пыток, именуемых следствием. Задача следователя сводилась лишь к тому, чтобы выбить у обвиняемого нужные показания в «разрезе схемы», сочиненной Поповым, а проще говоря, принудить его подписать заранее составленный протокол допроса. Как это делалось, мы еще расскажем, а пока познакомимся с некоторыми «чистосердечными признаниями» членов штаба «РОВС».

А.И. Шереметьев лично завербовал всех членов своего штаба, с их помощью организовал в Барнауле семь диверсионных шпионских групп.

Престарелый глухой В.Я. Бирюков, давно не отлучавшийся дальше своего огорода, сформировал повстанческие отряды в пяти районах: Залесовском, Калманском, Косихинском, Кытмановском и Мамонтовском.

Е.Е. Бекаревич проделал то же самое в шести районах, А.И. Шапошников — в пяти: Ребрихинском, Усть-Калманском, Алейском, Павловском и Топчихинском, без запинки назвал завербованных. Все они, 17 человек, были из «социально-чуждого элемента»: кулаки, попы, бывшие эсеры, участники крестьянских мятежей ("бандиты") и пр. Каждый из них, в свою очередь, по заданию Шапошникова, завербовал еще несколько человек. Та же картина была в «признаниях» Бирюкова, Бекаревича и др. Число вовлеченных в «РОВС» росло от допроса к допросу. Откуда они брались? А это просто делалось. По требованию Попова начальники районных отделений НКВД представили ему списки арестованных, и он, независимо от причины ареста (если таковая вообще была), вписывал их в свою «схему».

Не были обойдены вниманием и жители Барнаула. Так, А.П. Велижанин якобы вовлек в «РОВС» бывшего поручика Пыльцова Леонида Николаевича, 58 лет, занимавшегося разведением племенных птиц в своем скромном хозяйстве и давно не помышлявшего о политике, бывшего прокурора Вовней Георгия Зиновьевича, 59 лет, работавшего уполномоченным Барнаульского коллектива защитников, Пиоро Анатолия Эдуардовича, 52 лет, бывшего председателя следственной комиссии при Колчаке, а в советское время — юриста городской конторы Запсибторга. Все они были расстреляны.

Кроме вербовки перечисленных лиц, Велижанин создал в Барнауле четыре (!) карательных отряда и диверсионную группу.

69-летний священнослужитель М.В. Дагаев, как не трудно догадаться, вовлек в «РОВС» почти всех уцелевших к тому времени в Барнауле священников. Вот некоторые из них:

Лупенко Григорий Васильевич, протоиерей Троицкой церкви;

Мерцалов Алексей Александрович, протоиерей;

Пономарев Дмитрий Павлинович, священник Знаменской церкви;

Спасский Александр Николаевич, староста Вознесенской церкви;

Семенов Афанасий Варфоломеевич, протоиерей;

Толмачев Дмитрий Илларионович, заштатный поп.

Излишне говорить, что все они погибли.

Сверх того, М.В. Дагаев организовал девять (!) повстанческих групп, которые под его руководством вели подготовку к свержению советской власти.

И так далее, и тому подобное...

Читаешь — оторопь берет. Но почти сразу же появляются сомнения. Почему все эти жуткие признания не подкреплены ни одним вещественным доказательством? Почему ни при обыске, ни в ходе следствия не обнаружено хотя бы мало-мальской улики, подтверждающей существование столь крупной повстанческо-диверсионной организации? Ни оружия, ни планов, ни хотя бы завалящей записочки... Почему тот же Велижанин на первом допросе, 21 июля, твердо заявил, что был «советским человеком и никакой контрреволюционной работы не вел», а 5 августа, без предъявления каких-либо улик, «чистосердечно» признался, что состоял в «РОВС», рассказал о «проводившейся» им подрывной работе, назвал фамилии завербованных и т.д.?

Думаю, ответ на все эти «почему» теперь знает каждый: начитались, наслышались, как добывались в то время у арестованных органами НКВД нужные «признания». И следователям по делу «РОВС» в Барнауле улики не требовались, достаточно было «схемы», сочиненной Поповым.

Осенью 1937 года палач (другого названия не подберу) был назначен начальником управления НКВД Алтайского края, награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета СССР. (Как тогда «избирали» депутатов, напоминать нет надобности.)

Под стать Попову была и его команда — следователи Толмачев, Костромин, Розум, Кожевников.

4

К концу 1938 года, наверно, даже Сталину стало ясно, что раскрученный им маховик репрессий может в конечном счете парализовать всю жизнь в стране. Людские потери во всех областях народного хозяйства, в науке, культуре, командных кадрах Красной Армии были страшны, невосполнимы. Уже миллионы и миллионы честных, преданных советской власти людей, объявленных «врагами народа», были расстреляны или томились за колючей проволокой бесчисленных лагерей. А репрессии продолжали нарастать.

Остановить этот кровавый шабаш мог только Сталин. Верный своей манере валить вину на других, он и на сей раз сделал козлом отпущения послушного и усердного исполнителя своей воли Ежова. Тот был без шума снят с поста Наркома внутренних дел, а вскорости, также без шума, расстрелян как «враг народа».

Сменивший его Берия внес на Политбюро (уж, конечно, не без ведома Сталина) «смелое» предложение — прекратить массовые аресты («скоро арестовывать будет некого») и строго наказать виновников злоупотреблений.

Этим ходом Берия убивал сразу двух зайцев: укреплял в народе веру в Сталина, а заодно и себе создавал авторитет поборника справедливости. Какими они были на самом деле, эти поборники справедливости, мы теперь хорошо знаем. Но тогда, в страшную пору насилий и беззакония, люди готовы были поверить в чудо. И верили...

В начале 1939 года было арестовано почти все руководство управления НКВД Алтайского края: начальник управления С.П. Попов, его помощник Г.Л. Биримбаум, начальники отделов П.Р. Перминов, Н.К. Лазарев, И.Я. Юркин, И.Я. Шутилин, А.Т. Степанов, заместитель начальника следственной части Т.К. Салтымаков, начальник Бийского оперсектора НКВД В.И. Смольников, начальник Бийской тюрьмы А.А. Жилков, оперуполномоченные Г.С. Каменских и Т.У. Баранов.

Арест краевого руководства НКВД спас жизнь начальнику Барнаульского горотдела Жукову. 26 января 1939 года, по приказу Попова, он был арестован за то, что пытался помешать фальсификации дела о «РОВС». (Формулировка, конечно, была другая: притупление революционной бдительности, мягкотелость с врагами народа и т.п.)

Не окажись Попов и компания за решеткой, они, вполне возможно, подвели бы Жукова под «высшую меру социальной защиты», ибо он им мешал, он нарушил волчий закон стаи. Но сделать этого не успели.

Обратимся к показаниям Жукова, данным им в апреле 1958 года, в ходе реабилитации лиц, осужденных по делу «РОВС».

«... В горотделе никаких материалов о принадлежности указанных лиц к «РОВС» не было. Не видел я никаких материалов и у бригады Попова. Если б они были, Попову не стоило бы задумываться над тем, кого поставить во главе штаба «РОВС»...

Я участия в допросах не принимал. Их вели Толмачев, Шутилин, Розум и Костромин. Непосредственное наблюдение за следствием осуществлял Попов. Но мне, как начальнику горотдела, все же приходилось бывать на допросах отдельных арестованных. Я лично вызывал на допрос арестованного Шапошникова. По существу данных им уже показаний о принадлежности к «РОВС» Шапошников заявил, что участником указанной организации не был и что подписал протокол допроса после применения к нему незаконных методов следствия. Я лично видел Шапошникова на допросе у Толмачева. Шапошников в это время стоял...

Шапошников отказался от своих показаний в присутствии сотрудника горотдела Кузьмина. Но после Толмачев сообщил, что он снова допрашивал Шапошникова и тот опять признался в принадлежности к «РОВС».

Я прошел в другие кабинеты, где также увидел арестованных, которые на допросе стояли. Видя, что арестованных допрашивают по заранее составленной Поповым схеме и что к ним применяют «выстойку», я решил поговорить с Поповым. Сказал ему, что такой метод следствия является незаконным и приводит к фальсификации дела. Я предложил Попову пройти вместе со мной по кабинетам следователей. Помню, зашли мы в кабинет, где допрашивался Велижанин, и увидели, что на столе у следователя Старосельникова лежит отпечатанный протокол допроса, еще не подписанный. Велижанин заявил нам, что следователь держит его на ногах уже в течение трех дней и требует подписать протокол допроса, который составлен не с его слов и содержит вымысел. В ответ Попов сказал: «Ничего, никуда не денешься, подпишешь». И мы вышли из кабинета...»

Прервемся ненадолго. В медицинском свидетельстве Велижанина, оформленном в 1933 году, при первом аресте, сказано:

«Функциональное расстройство нервной системы в редкой форме. Туберкулез легких. Миостения сердца. Дистрофия правой кисти руки. Неврастения».

Вряд ли четыре года спустя здоровье 62-летнего старика улучшилось. Выстаивать по несколько суток ему было невмоготу. От такой выстойки распухают ноги, лопаются кровеносные сосуды, причиняя невыносимую боль. Можно ли обвинять Велижанина в том, что он в конце концов подписал протокол допроса с ложными показаниями?...

Вернемся к показаниям Жукова.

«Попов сказал, чтобы я не мешал вести следствие. Я, как начальник горотдела, в бе-

седах с Толмачевым и Шутилиным указывал на недопустимость фальсификации протоколов допроса, так как последние составлялись ими по схеме и по своему усмотрению. Толмачев участвовал в следствии по «РОВС» в Новосибирске, знал арестованных и подгонял их связи с Барнаулом. Когда я предупреждал Толмачева быть осторожным в составлении фальшивых протоколов допроса, то он мне и Шутилину ответил, что не такие дела делал в Нарыме и все сошло.

В конце июля или начале августа в Барнаул приехал Миронов.Он вызвал на доклад Попова, затем — отдельно — меня. Я доложил, что следствие ведется с нарушением социалистической законности и протоколы допросов фальсифицируются. Миронов на это в повышенном тоне ответил, чтобы я выполнял все распоряжения Попова беспрекословно, не мешал следствию в развороте и сам активно включился в него. Предупредил, что в противном случае меня ждут большие неприятности.

Сам Миронов из членов так называемого штаба «РОВС» никого не вызывал, оперативного совещания не провел, даже в горком партии не зашел. Через час-полтора уехал обратно. А через семь-восемь дней Попов был вызван в Новосибирск: прямо в кабинете застрелился его заместитель...

Толмачев, возглавлявший следствие, вызвал в Барнаул начальников районных отделений НКВД и у них выяснял, кто из колоритных фигур ими арестован. Оперативный работник Алейского отделения НКВД Поздняков и начальник Усть-Калманского Заровный зашли ко мне и заявили, что Шутилин и Толмачев требуют от них колоритных фигур из числа арестованных в районе. Они сказали, что эти фамилии нужны им, чтобы получить от членов штаба «РОВС» на указанных лиц показания о преступной связи. Толмачев и Шутилин предлагали начальникам районных отделений вписывать в протоколы допросов арестованных связь с так называемыми членами штаба «РОВС».

Поздняков и Заровный от фальсификации отказались. Когда было организовано управление НКВД по Алтайскому краю и Попов назначен его начальником, он вызвал к себе Заровного и ругал за то, что тот много говорит о фальсификации. Предупредил, что отдаст его под суд. Через некоторое время так и случилось...»

Кстати, по той же причине в декабре 1937 года был арестован начальник Усть-Пристанского районного отделения НКВД П.С. Скворцов, отказавшийся применять незаконные методы следствия. На его рапорте Попов начертал: «Тов. Перминов! Скворцов — троцкистский агент в наших органах. Немедленно его арестовать и допрашивать».

Скворцов остался жив по счастливой случайности. Дело его, за отсутствием состава преступления, было прекращено в 1940 г.

Вернемся к показаниям Жукова.

«Я, по прибытии Попова, был от оперативной работы сразу отстранен. На партийных собраниях обсуждали меня как лицо, которое не верит в существование разоблаченной контрреволюционной организации. Меня даже не пропускали в здание краевого управления НКВД. Сотрудники и партактив города от меня сразу отвернулись, даже не здоровались со мной. А 26 января 1939 года я был арестован и до конца октября содержался под стражей.

Меня обвинили в связях с участниками контрреволюционной право-троцкистской террористической организации, с арестованными в то время секретарями горкома ВКП(б) Копыловым и Семенихиным, председателем горисполкома Трелиным[1]; якобы я знал об их контрреволюционных убеждениях. Кроме того, меня обвинили в том, что, работая начальником горотдела НКВД, я не мобилизовал свой аппарат на разгром право-троцкистских формирований, открыто внушал оперативному составу неверие в существование «РОВС»...

Жукову на себе довелось испытать, что такое выстойка. Стоять его заставили вчерашние подчиненные Пермяков и Салтымаков. (Наверно, это было вдвойне обидно и больно.) Салтымаков даже замахивался стулом на бывшего начальника, требуя подписать заранее составленный протокол с «признательными» показаниями. Но Жуков выдержал и это.

Отдавая должное его поступку, хочется все же, справедливости ради, сказать, что в борьбе с фальсификаторами мужества ему до конца не хватило. Прекрасно зная, что дело о членах штаба «РОВС» целиком сфальсифицировано, он тем не менее утвердил его. Утвердил и еще ряд подобных дел, чем обрек невиновных людей на верную смерть. Правда, позже оправдывался, что ему приказали это сделать, но кому от этого легче?...

5

Из показаний других арестованных сотрудников НКВД известно, что Попов первым в Западно-Сибирском крае сделал практический шаг к фальсификации дела о «РОВС». Выполняя указания Миронова, он с небольшой оперативной группой прибыл в Нарым, закопал в нескольких местах оружие, затем аре-

---

[1] Копылов Михаил Михайлович — первый секретарь Барнаульского горкома ВКП(б). Арестован в октябре 1937 года. Расстрелян.

Семенихин Петр Романович — второй секретарь Барнаульского горкома ВКП(б). Арестован в октябре 1937 года. Расстрелян в июне 1938 года.

Трелин Иван Федорович — председатель Барнаульского горсовета. Арестован в июле 1937 года. Расстрелян в апреле 1938 года.

Все трое реабилитированы в 1956 году.

стовал отбывавшего там ссылку полковника В.С. Михайлова (которого, кстати, тоже произвел в генералы), еще несколько человек, выбил у них признания в организации повстанческого отряда и тайников с оружием. Затем это оружие в присутствии понятых было изъято и — завертелась машина!...

В Сталинске (Новокузнецке) штаб «РОВС» вскрыл примерно таким же способом другой сотрудник краевого управления НКВД — Голубчик. Там нашлась среди ссыльных еще более колоритная фигура на роль руководителя штаба — князь М.М. Долгорукий. Его вынудили дать ложные показания на целый ряд спецпереселенцев, которые были зачислены в «РОВС» и погибли вместе с ним.

В Томске не оказалось достаточно колоритных фигур на роль членов штаба «РОВС», но тамошние сотрудники НКВД нашли блестящий выход из положения. Они сформировали штаб «РОВС» из ... своих негласных агентов! Им объяснили, что так надо для обработки других арестованных, пообещали хорошо вознаградить за оказанную услугу. Но кончился этот спектакль плачевно для доморощенных артистов: они были расстреляны вместе с теми, кого оговорили.

В Бийске нашлись сразу две колоритных фигуры из спецпереселенцев: граф Ланской и подполковник Ефанов, который по сему случаю был тоже произведен в генералы. (Дались им генералы!...)

Об этих людях хотелось бы рассказать несколько подробнее.

Ланской Сергей Сергеевич, 1891 года рождения, москвич, был, действительно, сыном графа, умершего в 1926 году, и цыганки — эстрадной певицы, снявшейся, кстати, в кинофильме «Цыганский табор». Сергей Ланской до революции служил в кавалерии, затем в Красной Армии, но в 1925 году был вычищен оттуда как бывший офицер. Вернувшись в Москву, устроился счетным работником, вечерами выступал как эстрадный певец в клубах и ресторанах; в 1930 году был арестован за «антисоветскую агитацию», три года строил Беломорканал.

После освобождения въезд в Москву был ему воспрещен, и он долго скитался по стране в поисках места, где бы ему, имевшему судимость «по линии НКВД», бывшему белому офицеру да еще графу, осмелились предоставить хоть какую-то работу и угол для жилья. Наконец, был принят бухгалтером птицекомбината в Бийске, но вскоре за какое-то должностное нарушение угодил на полгода в бийскую тюрьму. Освободившись, махнул тайком в Москву. Но там ему, а из-за него родным и близким, каждый день грозил арест. Не выдержав, он в 1936 году вернулся в Бийск, поступил учителем пения в одну из школ. Образ жизни вел холостяцкий, попивал. Возможно, вином глушил чувство обреченности. Жил на квартире у врача Карелиной Елизаветы Петровны, тоже одинокой сорокапятилетней женщины. Она стала его любовницей, себе на погибель...

Ефанов Михаил Яковлевич, 1886 года рождения, сын крестьянина Орловской губернии, боевой офицер, участник русско-японской, германской и гражданской войн. Имел более десяти ранений, из них два — тяжелых, много боевых наград. В гражданскую войну некоторое время командовал батальоном в казачьем пластунском полку у Деникина, в 1920 — 1921 гг. служил в Красной Армии. Уволенный из ее рядов как бывший офицер, жил в Средней Азии, а с 1933 года — в Бийске, где работал счетоводом в зерносовхозе.

Бийские чекисты сделали крестьянского сына подполковника Ефанова генерал-майором казачьих войск, дворянином — владельцем имения и кожзавода, руководителем Бийской организации «РОВС».

Все дело о Бийском «РОВС» состоит из таких вот выдумок. Пересказывать их, ей-богу, тошно, поэтому ограничусь лишь еще одним примером. Е.П. Карелина очень любила лошадей и держала их у себя целых шесть, нанимала конюха. Так вот, ее обвинили в том, что она завела их для того, чтобы с началом восстания против советской власти подарить лучшим офицерам, которые «будут рубить коммунистов». Напрасно Елизавета Петровна доказывала, что из шести лошадей — одна слепая от старости, а две еще жеребята, и все они — на военном учете.

Как добывались подобные «признания», видно из показаний следователя Г.С. Каменских.

«Графа Ланского допрашивал начальник Бийского райотделения Буторин. Протокол допроса писал вместе с Биримбаумом на квартире; они вместе его откорректировали, отпечатали и заставили Ланского подписать...

Ефанова допрашивал я. Он отказывался, что был членом «РОВС». Уверял, что и генералом никогда не был. В Бийске группировал вокруг себя белое офицерство, но о «РОВСе» ничего не знает, никого из членов этой организации в глаза не видел.

Впоследствии Ефанова допрашивал Москалев, допрашивал активно (подчеркнуто мною — В.Г.). Дней через десять был написан протокол о том, что Ефанов является руководителем Бийского филиала «РОВС», и тот подписал его после продолжительной выстойки. В последующих протоколах ему вписывались новые обстоятельства и новые вербовки...»

Неудивительно, что в ходе такого «следствия» численность отрядов мифического «РОВС» все более разрасталась. В него включались мелкие контрреволюционные группы, отдельные контрреволюционеры или причисленные к ним, но в первую очередь выкашивался многострадальный «социально-чуждый элемент». Как это делалось в Барнауле,видно

из показаний бывшего следователя А.Д. Ковешникова.

«Люди арестовывались без наличия агентурных или других компрометирующих материалов, по справкам спецчастей, в которых указывалось: «кулак», «сын кулака», «торговец», «офицер» и т.д. Эти данные не проверялись, а оформлялись так: Степанов и Труш вызывали в управление начальников спецчастей и руководителей предприятий, учреждений, давали им задание по выявлению социально-чуждого элемента. Те выявляли, писали справки. На основании их Степанов и Труш составляли списки как уже на участников контрреволюционных формирований, получали санкцию прокурора (а порой, как уже говорилось, прекрасно обходились без нее — В.Г.) и производили массовые аресты.

Арестованных свозили в спортзал «Динамо» с последующим массовым вызовом их оперработниками для заполнения анкет. Затем всех отправляли в тюрьму...

Сотрудники НКВД порой не справлялись с массовыми арестами. Тогда они привлекали себе в помощь милицию, комсомольцев, бывших чекистов, работников спецотделов и т. д.

Сроки следствия были ограничены, следователям приходилось допрашивать по пять-семь человек в день...»

Впору посочувствовать беднягам!...

По словам Биримбаума, помощника Попова, «если рассказать все, что происходило в управлении НКВД, то можно сойти с ума».

Наверно, он не преувеличивал.

За беззаконным следствием следовало не менее беззаконное судилище — т р о й к а. Тройка заседала в Новосибирске. (С образованием Алтайского края здесь была создана своя.) В нее входили: первый секретарь крайкома ВКП(б), начальник краевого управления НКВД и краевой прокурор. Возглавлял тройку первый секретарь крайкома партии.

Этот факт, мне думается, опровергает довольно расхожее мнение, будто органы НКВД забрали к тому времени такую власть, что вышли даже из-под контроля партии. Если б это было так, то первые секретари не возглавляли бы тройки. А то, что они нередко боялись своих начальников НКВД, еще ни о чем не говорит. Тогда все друг друга боялись.

Я далек от намерения обелить органы НКВД, упаси меня бог от такого заблуждения, но считаю, что их «заслуги» надо бы по справедливости поделить с партийным руководством. Самому партийному руководству в свое время так и не хватило мужества честно в этом признаться, ну а новые «народные заступники», появившиеся после возрождения компартии, и подавно от всего открещиваются. Более того, с прежним пылом уверяют, что лишь они приведут народ к счастливой жизни, если им вернут власть. И ведь находят легковерных! Удивления достойно, до чего у некоторых людей короткая память...

Как судила т р о й к а?

Вот что рассказал автору этих строк один из бывших сотрудников НКВД, охранявший в свое время первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе.

— Тройка собиралась у него в кабинете. Один из наших сотрудников приносил туда кипу уголовных дел и кратко, лишь самую суть, докладывал о каждом. (Иногда это делал начальник управления НКВД.) Перед Эйхе лежала большая тетрадь, типа школьного журнала, со списком подсудимых и кратким, в две-три строчки, изложением предъявленного им обвинения. Выслушав информацию и перемолвившись несколькими словами с членами тройки, Эйхе синим карандашом (любимый его цвет) делал против соответствующей фамилии отметку: «ВМН» или ставил цифру 3, 5, 10. «ВМН» означала высшую меру наказания, то есть расстрел, а цифра — число лет заключения в исправительно-трудовом лагере.

Так предельно просто, без бюрократизма (прошу простить мне эту горькую шутку) решалась судьба человека, а зачастую — его жизнь. Оправдательные приговоры на таком судилище были редчайшим исключением. Напомню, что «суд» был заочным: тройка заседала в Новосибирске, а подсудимые находились в барнаульской, бийской или других тюрьмах.

Приговор оформлялся в виде краткой выписки из постановления тройки (на каждого осужденного) и направлялся для исполнения по месту нахождения его. Ни подписей, ни даже фамилий членов тройки под такими выписками не указывалось — лишь заверительная закорючка какого-нибудь мелкого канцелярского чина. Члены тройки не стремились увековечить свои имена.

Постановлением тройки управления НКВД по Западно-Сибирскому краю от 22 августа 1937 года были приговорены к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества:

Бирюков Василий Яковлевич;

Бекаревич Ефим Ефимович;

Велижанин Андрей Петрович;

Войнич-Сяноженский Владимир Павлович;

Дагаев Митрофан Владимирович;

Шапошников Акинди́н Иванович;

Шереметьев Александр Иванович.

Приговор приведен в исполнение в Барнауле 2 сентября 1937 года.

Большое число жителей Барнаула, обвиненных в принадлежности к «РОВС» и расстрелянных, прошли по другим «делам». Вот лишь некоторые из них, кого удалось выявить:

Васильев Андрей Петрович, заместитель главного бухгалтера овчинно-шубной фабрики;

Духнов Андрей Иванович, и.о. доцента учительского института;

Егоров Николай Михайлович, главный бухгалтер канифольно-терпентинного завода;

Ермолаев Всеволод Федорович, директор Власихинской неполной средней школы;

Ломшаков Александр Васильевич, рабочий мастерских гороно;

Макаренко Александр Алексеевич, и.о. директора неполной средней школы в с. Гоньба;

Макаров Егор Александрович, сторож железнодорожного сада;

Рязанцев Виктор Петрович, главный бухгалтер госбанка;

Скоморохов Никита Иванович, преподаватель средней школы;

Твердохлебов Иван Никифорович, старший экономист-плановик Запсибснабсбыта;

Филимонов Василий Петрович, директор 41-й средней школы;

Флягин Иннокентий Васильевич, учитель.

В Бийске из 28 человек, привлеченных по делу о «РОВС», расстреляно было 24, в том числе С.С. Ланской, М.Я. Ефанов и Е.П. Карелина.

Сколько же всего погибло по этому делу на Алтае и в Западной Сибири, предстоит подсчитать будущим историкам.

Расследованием, проведенным в 1959 году, было установлено, что дело о «РОВС» полностью сфальсифицировано органами НКВД. Контрреволюционной организации под таким названием на территории Западной Сибири не существовало, все осужденные по этому делу не были ее участниками и, следовательно, преступлений, вменяемых им в вину, не совершали.

В 1959 году они были полностью реабилитированы.

6

Ну а что же стало с фальсификаторами после их ареста?

Бывший начальник управления НКВД по Алтайскому краю С.П. Попов 28 января 1940 года предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Человек, в карьеристских целях сфабриковавший немало дел на невинных людей, теперь сам был обвинен в том, что являлся «активным участником антисоветской заговорщической организации, вскрытой в органах НКВД, укрывал от разоблачения право-троцкистское подполье», и т. п. Как видим, сотрудники НКВД и в самых верхах богатством фантазии не отличались. Но наряду с ложными ему были предъявлены и вполне справедливые обвинения в массовых необоснованных арестах, фальсификации следствия по делам арестованных, фабрикации дел на несуществующие подпольные контрреволюционные формирования.

Вот лишь одна выдержка из его показаний.

«К моему приезду в 68 районах Алтайского края было арестовано шесть тысяч человек,большинство из них — необоснованно. Несмотря на это, я все дела направлял на тройку в Новосибирск. Вскоре был получен приказ из Москвы об организации в управлении НКВД по Алтайскому краю самостоятельной тройки. Вместе с приказом был дан лимит (подчеркнуто мною. — В.Г.) на четыре тысячи человек и предложено операцию по массовым арестам закончить к 1 января 1938 года».

В это с трудом верится, этому нет примера в истории, но лимит (то есть норма, задание) на производство арестов на самом деле спускался сверху! Завышать этот дьявольский лимит не возбранялось, за недовыполнение можно было поплатиться карьерой, а то и головой.

Попов лимит выполнил в установленный срок. Как это делалось, показали на допросах его сообщники.

Г.Л. Биримбаум: «С получением контрольных цифр Попов, Перминов, Лазарев давали контрольные цифры начальникам райотделений, что толкало их на необоснованные аресты и фальсификацию дел. Одной из наиболее крупных сфальсифицированных организаций считаю «РОВС», по которой прошло по бывшему Западно-Сибирскому краю около 15 тысяч человек...»

Г.С. Каменских: «Все контрреволюционные группы из белобандитов, офицерства, кулаков были увязаны в ровсовскую организацию, хотя и не принадлежали к ней. В результате в Бийском районе она возросла до 1100 человек...»

За совершенные злодеяния С.П. Попов был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день — 28 января 1940 года.

28 — 29 мая 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению остальных арестованных сотрудников управления НКВД по Алтайскому краю. Вот лишь некоторые из их преступлений, указанные в приговоре.

Перминов и Лазарев, по указанию Попова, проводили массовые необоснованные аресты. Как система, применялись пытки, избиения, истязания, провокации с целью добиться нужных «признаний». Протоколы допросов фальсифицировались, составлялись подложные справки, акты и пр. Перед расстрелом проводились провокационные допросы с целью получения показаний на других лиц. Другими словами, человеку, обреченному на смерть, обещали сохранить жизнь за ложные показания на кого-либо, но если он это делал, то все равно шел на расстрел, только с опоганенной душой...

Пермяков и Юркин сфальсифицировали дело на группу учителей (Кришталь и др.), всего 31 человек, из них расстреляно 22. По их

же инициативе в Рубцовском секторе арестованы как участники никогда не существовавшей эсеровско-повстанческой подпольной организации 810 человек, из которых расстреляно около 300.

По вымышленным справкам, составленным Шутилиным и утвержденным Перминовым, арестовано 62 командира запаса Красной Армии, из них расстрелян 21 человек.

Настоящая охота шла на поляков, немцев, латышей, корейцев и др. Лазарев упрекал подчиненного ему сотрудника А.Д. Черных, ведавшего борьбой с японской разведкой: «У вас все еще китайцы ходят по барнаульским улицам». По словам Черных, подобное замечание получил он на заседании тройки и от первого секретаря крайкома ВКП(б) Л.Н. Гусева. Лиц с иностранными фамилиями выуживали даже из избирательных списков.

Салтымаков на допросе убил арестованного Кшановского и никакого наказания за это не получил.

Смольников допустил, а Каменских производил исключительные (подчеркнуто мною. — В.Г.) зверства над женщинами при расстрелах.

За совершенные преступления Перминов, Юркин, Лазарев, Салтымаков, Смольников и Каменских были приговорены к расстрелу; Шутилин и Биримбаум — к десяти, Жилков — к шести, Баранов и Степанов — к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Заодно скажем, что главный фальсификатор дела о «РОВС» в Западной Сибири — начальник краевого управления НКВД С.Н. Миронов также был расстрелян.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно странное обстоятельство. Оказывается, приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, несмотря на то, что в нем было сказано, что он «окончательный и обжалованию не подлежит», в отношении (назовем их полностью) Перминова Петра Романовича и Юркина Ивана Яковлевича оказался вовсе не окончательным. 18 апреля 1942 года Военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского края заменил им расстрел на десять лет лишения свободы (условно) и отправил обоих на фронт. Бериевскому руководству НКВД с его бериевскими методами работы требовались для действующей армии и партизанских отрядов именно такие кадры, как Перминов и Юркин.

От фронтовиков не раз приходилось слышать, что они своего уполномоченного «СМЕРШ» порой боялись больше, чем немца. От немца можно отбиться, а от этого не отобьешься, если, не дай бог, потянут к нему в блиндаж за неосторожно сказанное слово, подобранную на курево немецкую листовку или что-нибудь другое в этом роде. Не хочу отрицать их заслуг в борьбе с вражеской агентурой, предателями, но и невинной крови на их совести немало...

Возможно, кому-то из читателей попадалась книжка «У нас особое задание», изданная в Москве в 1973 году. Автор ее И. Юркин. Да, да, тот самый. В предисловии о нем сказано так:

«Воспитанный Коммунистической партией, членом которой он являлся с 18 лет, Юркин прошел большой жизненный путь. До 1920 года работал пастухом, затем батрачил на кулаков. В 1920 году вступил в комсомол, а вскоре добровольно ушел на службу в ЧОН[1]. В середине 20-х годов находился на руководящей комсомольской работе, затем служил в Красной Армии, а с 1928 года — в органах безопасности».

Я привел эту выдержку с единственной целью — показать, что юркины не с луны к нам свалились, их породила Система.

В своей книжке Юркин вспоминает, будто отчим, узнав, что он направлен в органы, дал ему такой наказ: «Под гимнастеркой у чекиста душа должна быть чуткая и тонкая. Загубишь невинного человека — проклинать будут».

Какая душа была у Юркина и как он выполнил наказ отчима (если этот наказ не придумал для чувствительности сам автор), мы теперь знаем достаточно.

«Осенью 1942 года меня неожиданно вызвали из Новосибирска в Москву», — так начинает Юркин свое повествование.

Ложь эта вполне объяснима. Не мог же он на самом деле признаться, что сидел за решеткой в ожидании расстрела и слезно умолял начальство отправить его на фронт — кровью, как говорят в таких случаях, искупить свою вину.

В сентябре 1942 года Юркин во главе оперативно-чекистской группы был переброшен в партизанское соединение С.А. Ковпака, где и пробыл до конца войны.

Он много пишет о подвигах возглавляемых им чекистов, не забывает и себя. Книга как книга, ничем не хуже многих военных мемуаров, но просматривал я ее со смутным, а точнее сказать — враждебным чувством. Не могу ничем доказать, но сдается мне, что не обо всем он рассказал, что и на фронте не раз проявил волчью свою натуру.

Дни свои бывший следователь НКВД Юркин закончил в почете и уважении — фронтовик, заслуженный пенсионер, орденоносец...

Схожая судьба и у Перминова. Он был заброшен в Чехословакию, к партизанам, отличился, имел награды. После войны не раз ездил туда почетным гостем, выступал с воспо-

---

[1] ЧОН (части особого назначения) — коммунистические воинские формирования, созданные для борьбы с «внутренней контрреволюцией».

минаниями. Жил в Москве. Однажды рискнул приехать на Алтай, чуть не инкогнито. Прямо с барнаульского вокзала отправился в Тюменцевский район, а оттуда — сразу в Москву. Встречаться с кем-либо из старых знакомых в Барнауле, выступать с воспоминаниями в его планы, надо полагать, не входило.

Мне довелось видеть довоенную фотографию Перминова и Юркина (они были друзьями). Статные, красивые, добры молодцы в хорошо подогнанном военном обмундировании — залюбоваться можно! Только глаза у обоих холодные, льдистые. Волчьи глаза!..

Юркина и Перминова, насколько мне известно, уже нет в живых. Но сколько их таких, бывших, и доныне разгуливает среди нас, важно выпятив грудь с рядами орденских колодок!

А чего им бояться? Если военных преступников до сих пор разыскивают по всему белу свету и предают суду, то экс-палачам из ОГПУ-НКВД суд не грозит. Более того, даже упоминание их имен в печати всячески ограничивается: это, видите ли, негуманно, это может травмировать их родственников, которые ни в чем не виноваты.

Я далек от того, чтобы призывать к сведению счетов с бывшими работниками органов. Ну потащим их в суд — что это даст? Новый ГУЛАГ, волну жалоб, доносительство, озлобление, а у нас и без того проблем хватает. Не надо их крови, пусть себе живут, вернее — доживают. Но засекречивать их имена мне кажется несправедливым, я такой гуманности не понимаю. Должны же они понести хотя бы моральное наказание за прошлые свои черные дела?

Мне по-человечески жаль их родственников и друзей, они действительно ни в чем не виноваты. Но что их горе и слезы по сравнению с морем слез, пролитых в годы репрессий и теперь еще проливаемых?...